

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

DOCUMENTARY INFORMATION

УДК 004

Е. Ю. Гениева

БИБЛИОТЕКА КАК ИНСТИТУТ МОДЕРНИЗАЦИИ

Представляемый доклад Е. Ю. Гениевой был сделан на пленарном заседании 18-й Международной конференции «КРЫМ-2011» «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса», состоявшейся в г. Судак (основная программа), Коктебеле и Симферополе (выездные заседания) Автономной Республики Крым (Украина) 6–10 июня 2011 года. Конференция проводилась в рамках мероприятий ИФЛА 2011 года.

Тема конференции в 2011 году – «Библиотеки в новом десятилетии информационного века: совершенствуя технологии и развивая сотрудничество».

E. Y. Genieva

LIBRARY AS AN INSTITUTE FOR MODERNIZATION

The submitted Report of E .Y. Genieva was made at the plenary session of the 18th International Conference «Crimea 2011» «Libraries and Information Resources in the modern world of science, culture, education and business» held in Sudak (main program), Koktebel and Simferopol (offsite meeting) of the Autonomous Republic of Crimea (Ukraine) 6–10 June 2011. The conference was held as part of the IFLA 2011 events.

The conference theme in 2011 – «Libraries in the new decade of the Information Age: improving technologies and promoting cooperation».

Сейчас все говорят о модернизации к месту и не к месту, не вполне отдавая себе отчет, что стоит за этим столь популярным в последние годы понятием. В культурный, социальный и экономический обиход оно вошло с легкой руки Президента РФ, для которого понятие модернизации стало определенным политическим лозунгом, приблизительно таким же, каким было для Горбачева понятие перестройки.

Чаще всего под модернизацией имеется в виду техническое и технологическое переустройство общества и важнейших сфер

его деятельности. Модернизация тесно сопрягается с нанотехнологиями, она нашла свое предельное техническое выражение в концепции Сколкова, в намерении осуществить глобальную интернетизацию школьного образования. Эти примеры можно легко множить.

Это понятие присутствует и в нашей библиотечной сфере. Наиболее легко защищаемые статьи бюджета относятся тоже к сугубо технологической сфере – Интернету, обновлению парка компьютеров, закупке ридеров, созданию электронных библиотек,

оцифровке фондов. В нашей библиотечной сфере существует и свое Сколково – это Президентская библиотека в Санкт-Петербурге, созданная по последнему библиотечному технологическому слову. «Минибиблиосколково» должны оказаться и в регионах. Региональные власти охотно идут на открытие филиалов Президентской библиотеки, понимая, что это может быть защищенной статьей бюджета. Впрочем, кто будет возражать, что электронные ресурсы и удаленный доступ к информации – нежелательны?

Хороший пример инновационных технологий – библиомобили, которые предоставляет регионам фонд «Пушкинская библиотека» и которые нашли поддержку не только региональных властей (примером может служить Ивановская область, Брянск, Саратов и другие регионы), но и Министерства культуры Российской Федерации. Предполагается, что самостоятельно приобретая библиомобиль, предназначенный для нового типа информационного обслуживания населения, в том числе в территориально удаленных точках, регион получит средства на еще один – уже от федеральных властей. Библиомобиль, официальное название которого – «кибо», звучит на японский лад, на самом деле имеет прямое отношение к сюжету модернизации. В библиотечной практике издавна существовали передвижные библиотеки, когда-то их роль выполняли книгоноши, потом – библиотечные повозки, грузовики, автобусы, бороздившие российское бездорожье и реализовывавшие в доступных им пределах святое правило ЮНЕСКО о всеобщем неограниченном доступе к информации. И то и другое определение – «всеобщий» и «неограниченный» – в случае советских передвижных библиотек было не вполне выполнимо. Но в случае кибо, который пришел к нам из международной практики передвижных библиотек, в частности – из США и стран Западной Европы, – понятие всеобщего и неограниченного доступа уже более релевантно. Интернет,

позволяющий жителю отдаленной деревни Саратовской области войти в глобальную сеть, а инвалиду, благодаря современной технологической системе подъемников, подняться на коляске в кибо и получить доступ к книгам, в том числе и в удаленном доступе, – это та модернизация, о которой говорит, в частности, и Президент РФ.

Но только ли Интернет и новые технологии суть модернизации? Нет ли здесь опасности, что за лесом технологического прогресса мы не увидим собственно деревьев? И если это перевести снова на наш библиотечный язык, не боимся ли мы, что «железо» заслонит от нас читателя с его человеческим измерением?

В апреле этого года в Подмоскowie произошло довольно значимое событие – заседание Совета по внешней оборонной политике, которое по традиции возглавляет министр иностранных дел Сергей Лавров. Он провел двухдневное совещание, темой которого была модернизация. Я знаю об этом не понаслышке, поскольку была приглашена как докладчик и, по чести сказать, пока не получила программу, не очень понимала, зачем Совету по внешней оборонной политике мой взгляд и опыт библиотекаря. Я была убеждена, что главными будут те, которые создают Сколково, ведомства Чубайса, все те, кто причастны к переводу нашего телевидения на цифру, и т. п. Я была приятно удивлена, когда ознакомилась с темами, а главное, узнала, кто разработчики концепции. Одним из теоретиков был хорошо известный нашему библиотечному сообществу Александр Архангельский, автор не только программы «Тем временем», но и замечательной серии о библиотеках «Фабрика памяти».

Темы были такие: «Модернизация через культуру», «Школа как политический институт модернизации», «Русский язык как следствие модернизации». Все это казалось странным для обсуждения на Совете по

внешней оборонной политике, но, как показали обсуждения (а в них принимали участие те, кого можно назвать людьми, определяющими интеллектуальную стратегию общества, – уже упоминавшийся Александр Архагельский, Сергей Караганов, Даниил Дондурей, Евгений Ямбург, Вячеслав Никонов, Павел Лунгин, Дмитрий Быков) – все эти люди исходили из того, что модернизация – шире чем технологии, а когда речь идет о России, особенно опасно забывать, что без главной составляющей российского менталитета, без культуры, и, в первую очередь, литературы, языка, – модернизация неизбежно зайдет в тупик. Реформировать технику необходимо, но столь же необходимо понимать, что такая односторонняя модернизация не даст эффекта, а может и сработать во вред. Мы легко окажемся в ситуации, когда-то гениально и прозорливо описанной Реем Брэдбери в романе «451° по Фаренгейту», когда миром начинают управлять роботы.

Видимо, и в нашей ситуации есть опасность слишком близко подойти к тому, что описал Рей Брэдбери. Похоже, что мы начинаем терять культуру, а теряя культуру, мы теряем нашу идентичность и, следовательно, будущее страны, ее, скажем так, «духовную обороноспособность». И тогда напрашивается несколько иное понимание модернизации, а вслед за этим и вопрос, возможна ли модернизация самой культуры и через культуру? И если модернизация действительно осуществляется через культуру, то это не только технический прогресс, а, не в последнюю очередь, – изменение менталитета человека, личности.

Почему это особенно важно для России? Страна потеряла идеалы из-за минимум двух исторических сломов – 17-го года и 90-х годов прошедшего века. Эти преобразования также шли в стране под лозунгом «модернизации». В первом случае пропагандировалась модель создания нового коммунистического обще-

ства, и, как мы знаем, эта модель с крахом провалилась. Во втором случае России была предложена либерально-рыночная модель развития, модель создания в стране капитализма, причем в тех формах, которые она обрела, преимущественно, в Западной Европе. Мы знаем, какой резонанс имела «шоковая терапия» у населения, сколь неоднозначно воспринимается сопутствующая развитию рыночных отношений стратификация общества, и постепенно само государство ограничило рынок, ненавязчиво вводя процессы регулирования в многие его механизмы. По сути, ни тот, ни другой слом, производившиеся сверху, то есть не естественно-историческим путем, а путем государственного давления на людей, не были интегрированы общественным сознанием. На смену тоталитарной морали, в которой было много идеологии, но мало человека, пришла не новая ментальность, новая духовность, а экономический «интерес» и рыночный прагматизм. Они привели лишь к тому, что в обществе накопились растерянность, усталость, горечь, смятение, и, порою, как ответная реакция, возникла плохо управляемая социальная агрессия. В результате сегодня в России создалась достаточно опасная, «безосновная», «некультуротворная» ситуация: мы не можем сформировать собственное мировоззрение, те идеалы, которые сплотят нацию и будут восприниматься большинством общества как действенные и общезначимые нормы регулирования его жизни. А без нахождения такого «общего знаменателя», внятного для всех, любые инновационные процессы забуксуют.

Но если мы понимаем, что модернизацию немисливо проводить, игнорируя сферу менталитета, сферу культуры, то что же такое, собственно, сама культура?

Первое, что приходит в голову, это наши писатели, художники, музыканты, которых знает весь мир, – Толстой, Достоевский, Чехов, Чайковский, но, видимо, культура –

это не только это. Культура – это трудноуловимый пласт духовной жизни, который питает общество и конкретного индивидуального человека. Культура – это ценности и нормы бытования людского сообщества, моральные принципы, образцы поведения, идеалы, стереотипы, мировоззренческие модели. Культура – это и идеология, и техника, и понятие прогресса в данном обществе. Если культура – это некий фундамент, укореняющий человека в обществе, то можно ли ее модернизировать, и если можно, то как?

Культура – это ценностная шкала целого народа, «культурная матрица», говорят одни; если мы подроем этот фундамент, то здание рухнет. По мнению этих людей, следует вернуться к хорошо апробированным культурным стереотипам, которые обеспечивали единство народа в прошлом. Но такое понимание полностью отвергает понятие модернизации, по сути, это, – в лучшем случае, консервация, а в худшем – регресс. «Культурная матрица» – это неподвижная часть культуры, опирающаяся исключительно на традицию и отвергающая инновации. Если все время соотносить современность с этой моделью, никакая модернизация работать не будет.

Противоположный полюс – «культурная революция» – резкий слом менталитета, известный нам из истории нашей страны также дважды: «культурная революция» большевиков отказалась от многих достижений российской культуры, буквально выпихнула их за пределы страны на «философском пароходе». Примерно то же предлагает сделать сейчас и наша реформа образования, сокращающая число часов на изучение языка и литературы в школе, снижая интерес к гуманитарным исследованиям, полагая их «непрактичными», не соответствующими потребностям индустриального, техногенного общества.

И тот, и другой путь опасны, как крайности, и оба грешат одними и теми же пороками – насильственностью, неестественностью

и навязыванием сверху. Именно поэтому результаты подобных резких изменений порою приводят к парадоксам: освободившись от религиозного сознания одним махом, социалистическая революция спровоцировала его сегодняшний расцвет, ибо, будучи запрещенным, это сознание не исчезло, но, уйдя в подполье, продолжало питать духовность народа. Спровоцировав поспешными действиями «разгул рынка», создав «общество потребления» без социальных противовесов, власть в 90-е годы сама поддержала на плаву левую оппозицию, поддерживающую у населения ностальгию по СССР.

А между тем стоит обратить внимание, что модернизация – это процесс, который знаком всем странам, она лежит в основе социального прогресса всех обществ и исторической эволюции человечества в целом. В прошлом веке модернизация определяла вектор развития многих стран, но успешной она стала лишь там, где не было революционных ломок культурных традиций, или там, где культурная традиция не фиксировалась в застывшем виде. Примеры удачной модернизации – послевоенное развитие Западной Европы, социальные достижения скандинавских стран, экономический расцвет Японии, Южной Кореи, Таиланда, а в последнее время – Китая. Иными словами, модернизация возможна там, где есть культурная традиция, но она не превращается в догму, и человек как субъект модернизации способен соотносить себя с этими переменами и постепенно менять самого себя, приспосабливаясь к новым условиям.

Всякая иная модернизация вызывает активное сопротивление и в силу этого обречена, ибо она механистична, узка, упускает из виду главное в человеческих отношениях – их смысловое содержание. А если смыслы отсутствуют или на них не обращается должного внимания, то не приходится удивляться, что в обществе расцветают такие явления,

как терроризм, национализм в худшем его, агрессивном проявлении, этнокатастрофы, ксенофобия, нетерпимость, поиски врага, то есть воспроизводятся самые агрессивные механизмы индивидуальной и коллективной защиты людей.

Но даже «правильно» проводимая модернизация – еще не гарантия успеха. Модернизацию нельзя остановить, это постоянный процесс, сопутствующий историческому развитию. Несмотря на положительные результаты модернизации в некоторых странах в XX веке, сейчас, в веке XXI, они снова подвергаются сомнению. Наличие вокруг успешных стран «неустоявшихся», «вздернутых» культур (которые пытаются ликвидировать свою технологическую отсталость или обзавестись демократическими институтами) препятствует развитию вроде бы уже гармонизированных институтов культуры. Государства, затронутые глобализацией, вынуждены решать не только свои локальные проблемы, но и проблемы, возникающие в иных странах. А такие решения даются нелегко. Примером могут служить последние события в Северной Африке и на Ближнем Востоке, последствием которых стала угроза «переселения народов» с конфликтных территорий в страны Западной Европы. Западные технологии (Интернет) способствуют расширению этих локальных конфликтов, предоставляя им среду неконтролируемого распространения информации о событиях, и консолидируют усилия «восставших». В то же время Европа, «разбужившая» эти народы, – не способные с ходу наладить экономику в своих странах и устремляющиеся за рубеж, – чисто физически не способна принять беженцев, в силу чего вынуждена пересматривать и собственные мировоззренческие мультикультурные установки, а иногда и идти вспять, закрывая, к примеру, внутренние границы Европейского Союза.

Все это свидетельствует о том, что на сегодняшний день ни одна страна, пусть даже и достигшая высот технологического прогресса, не выработала таких мировоззренческих установок, которые объединяли бы человечество в единое целое. Именно поэтому постоянное развитие чисто технических составляющих процесса, не соотношенного с развитием институтов социализации, институтов культуры, обречено на катастрофу. И эта катастрофа будет уже не локальной, она будет глобальной.

Эту тенденцию и идущую вслед за ней опасность в нашей стране еще в 70-е годы XX века почувствовал Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда представил обществу свою декларацию прав культуры, документ, казавшийся в те годы утопическим, идеалистическим и вызывавшим у людей, которые с ним ознакомились, чувство непонимания и растерянности. Было непонятно, что с этим документом делать. Это была какая-то Нагорная проповедь о культуре. К этому же времени относятся его слова о библиотеках, которые стали повторять и мы, работники библиотек, и власти.

Особенно странным казался следующий тезис: «Главное в культуре – это библиотеки. Если мир погибнет, но останется хотя бы одна библиотека, то мир будет спасен». Понадобилось не одно десятилетие, чтобы понять то, о чем говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он говорил о неизбежности модернизации, но понимал ее как изменение менталитета, сознания общества. Он призывал защищать культуру, но не ту «культурную матрицу», которая противится изменениям, а культуру как животворный источник поддержания и генерации смыслов в обществе, страхующий человечество от одичания. Что значит защищать культуру? Пушкина не надо защищать, его поэзия – это культурная данность, вне зависимости от того, какое тысячелетие на дворе. Но от того, какое тысячелетие, зависит по-

нимание Пушкина. И здесь очень важна роль библиотек, не только как хранителей этой данности, памяти, традиции, но и смыслопорождающих структур, которые способны оживить и обновить традицию, организовать новые смыслы вокруг культурных феноменов. Библиотеки – это культуротворные организмы, которых так не хватает в техногенных средах. И мысль Д. С. Лихачева о том, что мир может возродиться, если останется хоть одна библиотека, это мысль о Ноевом ковчеге, который спасает саму возможность порождения смыслов в мире, ибо без смысла мир существовать не может.

Собственно, Дмитрий Сергеевич Лихачев оказался предшественником того, о чем сейчас во весь голос говорит ЮНЕСКО – о некоей новой мировоззренческой установке, которая получила название «новый гуманизм». Понятие это еще очень шаткое, требующее уточнений и концептуальных углублений, как и понятие «модернизация». В самом общем виде «новый гуманизм» – это реакция на постмодернистское постиндустриальное общество, которое расшатало многие традиционные ценности до полного распада. Это не только ценности религиозные, это ценности семейные, групповые, национальные, а иногда даже и те, которые издавна зовут «общечеловеческими» в силу того, что без определенных духовных императивов совместное существование людей невыносимо, при их отсутствии из человека вымывается не только его национальная идентичность, но и сама его «человечность», его «гуманитарная» составляющая. Последовательный релятивизм неизбежно доводит любое общество до деконструкции, как результат мы получаем полностью автономных индивидов, сбивающихся в стаи по законам звериных сообществ. Примеров тому в нашей действительности уже не счесть. Так, в обществе появилось релятивистское отношение в холокосту, к нашей победе над

фашизмом, к личности Сталина и Гитлера, к семье и браку... Противовесом этому «освобождению» от какой бы то ни было социальной ответственности и должен стать новый гуманизм, который есть не что иное, как система новых нравственных ценностей и смыслов. Эти ценности и эти смыслы неизбежно должны объединить людей, но результатом такого объединения не будет простое арифметическое сложение национальных «культурных матриц». Эти матрицы должны будут выбрать самые светлые, самые духовно сильные черты своих коллективных менталитетов и оставить за бортом, подавить все агрессивные основания, которые их поддерживают. Примерно такой же подход мы наблюдаем в современном межконфессиональном диалоге, когда представители различных религий ищут общие основания, то, что их объединяет, а не то, что их разъединяет.

Процесс создания «нового гуманизма» только начинается. Но его необходимость уже осознается. Секретарь ЮНЕСКО, славянка Ирина Бокова, ищет его примеры в творчестве отнюдь не релятивистского писателя Пабло Неруды, который, говоря словами Маяковского, прекрасно знал, «что такое хорошо, и что такое плохо». Но принять такую новую, «гуманную» позицию обществу очень трудно, потому что оно, по сути, еще находится в объятиях либо самоограниченной национальной идеологии, либо постмодернистской этики и релятивистских стереотипов мышления.

Поиски новых смыслов в глобальном обществе характеризуют позицию не только ЮНЕСКО, нечто подобное мы наблюдаем в тех европейских странах, где разрабатывается концепция «больших (взрослых) обществ». Их «взрослость» как раз и заключается в том, что, переболев детскими болезнями самости, они ищут смысл в объединяющих ценностях, имеющих глубокую гуманную основу, а не ориентированных на экономи-

ческие интересы одного только рынка. Недавром теоретики, разрабатывающие подобные концепции, так много говорят о роли семьи в обществе, о значении культурных институтов (в том числе и библиотек) как центров местного сообщества. Со-общество – это коллективные усилия людей по созданию нормальной, комфортной среды для всякого человека, где бы он представлял ценность для всех прочих, независимо от своей национальной, расовой, религиозной, возрастной, половой и всякой иной принадлежности, где находил бы возможность и помощь для активной деятельности и самореализации.

Есть примеры такого понимания проблемы и в нашей стране. На конференции, посвященной 150-летию отмены крепостного права в России, Президент РФ сделал акцент на социально-этической составляющей модернизации, и хотелось бы, чтобы этот аспект не прошел незамеченным. Дмитрий Медведев отчетливо говорил, что реформы Александра II были направлены на то, чтобы страна разделяла с Европой единые ценности, в частности, ценности свободы, потому что без нее немислим общественный прогресс, модификации в экономике и политической системе. Более того, он подчеркнул преемственность сегодняшней модернизации с тем, что делал полтора века назад Александр II. Свобода – это не политтехнология, свобода – это питательная среда для формирования смыслов. Понимаемая таким образом модернизация – это не идеология особой роли России, не возвращение к советскому эксперименту, а реализация проекта нормального, гуманного строя.

Весь вопрос в том, как этого добиться. Как всегда, мы возвращаемся к главному российскому вопросу: что делать? Конечно, для этого необходима политическая воля. Но этого недостаточно. Для этого должны нормально функционировать гражданское общество и социальные институты. Тако-

выми являются, по самому существу, культура и образование. Потому что именно они могут выиграть битву будущего – битву за качественную, развитую, сложную личность, которая будет способна воспринять и реализовать идеи модернизации. Для этого не годится личность, живущая по схемам прошлого: по статистике более 70 % населения России – а это десятки миллионов – живут по схемам 30–50–70-х годов XX века. Эти люди не в состоянии переварить то, что произошло в обществе на рубеже 90-х годов. И в этом смысле показательно их отношение и к Горбачеву, и к Ельцину, которых воспринимают как разрушителей надежного советского строя и предадут их за это анафеме. С точки зрения оставшихся 20–30 %, Горбачев и Ельцин – великие реформаторы, и в этом их главная историческая роль и заслуга. Но с чем эти 20–30 %, которые теоретически готовы к модернизации (к числу которых должны относиться и мы, представители такой важной сферы деятельности, как библиотеки), с чем они, интеллектуальные элиты, не смогли до сих пор, но обязательно должны справиться?

Они должны предложить эти новые идеалы, смыслы, образцы поведения, образы будущего, предостеречь общество от опасностей, которые постепенно накрывают нашу жизнь, – терроризма, ксенофобии – и развить те ростки «нового гуманизма», которые помогут осуществить модернизацию. Ибо элиты ответственны за ту миссию, которая на них возложена.

Можно возразить, что все эти мысли довольно абстрактны, что они принадлежат области теоретических рассуждений, где комфортно себя чувствуют социологи, политологи и всякого рода аналитики, и что вообще у нас много теории и мало практик. Но это не вполне так. Сейчас библиотека, как, может быть, ни один из социальных институтов, испытывает мощное давление кон-

курентной среды и в силу этого находится в активном поиске своего будущего и естественным путем рождает интереснейшие и сугубо практические варианты решений.

В самом деле, каков завтрашний день библиотек? Несомненно одно: в ближайшее время библиотека утратит свой традиционный облик и существенно видоизменит свои функции. В самом недалеком будущем книги на традиционных носителях будут заменены электронными аналогами, и бумажная книга как носитель информации исчезнет или превратится в раритет наподобие глиняных табличек, ныне хранящихся лишь в музеях.

Не стоит ли задуматься об этом тем библиотекам, которые активно проповедают сугубо техногенную модернизацию? Ведь в самое короткое время такие библиотеки неизбежно окажутся в проигрыше, потому что на этом поле у них уже есть мощные конкуренты: агрегаторы информации, он-лайн-магазины, он-лайн-издательства, да просто вся цифровая среда Интернета. Оцифровав старую часть своих фондов и предложив «новинки» в виде подписных баз данных, такие библиотеки еще активнее будут выпихивать читателей из своих стен, тем самым оставляя свои залы пустыми и превращая свои мертвые бумажные хранилища в дорогостоящую для содержания и уже никому не нужную роскошь. Рано или поздно об этой нерациональной «трате средств» вспомнит государство и упростит эти хранилища, а заодно и сами такие библиотеки за ненадобностью. Конечно, все это произойдет не завтра, но мировой вектор развития направлен в эту сторону.

Уже сейчас читатель библиотеки – это зачастую лишь статистический показатель книговыдач. И именно потому, что многие библиотекари продолжают смотреть на него по-старому, они неизбежно проиграют. В самом деле, не все ли равно анонимному удаленному пользователю, где находить книги –

в библиотечных каталогах и электронных коллекциях или в Интернете? Многие предпочтут именно Интернет. Библиотека без фондов, библиотека без читателя очень скоро станет и библиотекой без библиотекаря.

Что же это? Библиотечный апокалипсис? Конец библиотечной цивилизации? Если понимать библиотеку только как корабль, напиханный техникой, – то да. И тогда грядущий апокалипсис будет делом наших собственных рук. Ведь в отчужденности читателя от пространства библиотеки во многом виноваты мы сами. Мы забываем, что наши пользователи – как и любая человеческая особь – нуждаются не только в информации, но и в нормальном человеческом общении, во внимании, в широком смысле – в помощи со стороны социальных институтов, в обретении культурного пространства, которое облегчит им вхождение в сложные проблемы современного мира.

Наши Крымские конференции – пример того, как библиотека, которая отдает большую дань технологиям, постепенно затянула в свою орбиту и сугубо гуманитарный аспект культуры.

У библиотек есть будущее, если они – площадки для постановки и возможного разрешения гуманитарных проблем. Это не академическая задача, а задача из сферы социальных практик, которыми наше общество, пока еще, владеет недостаточно.

Еще один пример – ситуация с перемещенными культурными ценностями. Есть трофейные книги, и есть государства, у которых на эти книги свои претензии. Пока книга будет предметом материального торга – прогресса в переговорах не будет. И здесь свое слово говорят библиотеки, которые смотрят на предмет спора иначе. С их точки зрения, книга имеет совсем иную, нематериальную, культурную ценность, и именно в этом качестве она способна обе стороны примирить. В век технологического прогресса место-

нахождение книги не имеет ровно никакого значения, лишь бы она была доступна всем желающим. Стоит только обратиться на это внимание, и позиции сторон могут сблизиться.

Таким образом, один из путей мирного существования культур в наше время – это диалог, и библиотека становится переговорной миротворческой площадкой, на которой решаются серьезные межгосударственные проблемы. Результаты не заставляют себя ждать. Если руки протянуты друг к другу – начинается встречное движение. К примеру, библиотечную премию А. Меня за диалог культур в этом году получил профессор Айхведе, немец, который знаменит в России тем, что возвращал нашим музеям и библиотекам российские культурные ценности и способствовал своей деятельностью уничтожению идеологии ненависти.

Подобные практики подводят нас к самой сущности вопроса: что такое современная библиотека, что составляет основу ее существования? Те материальные носители, которые она сохраняет и предоставляет в доступ, или же не только это?

Я глубоко убеждена, что библиотеки испокон веков понимали, что книга – это только повод для их существования, в определенные эпохи очень мощный, но все-таки повод. И, понимая это, развивали вокруг книги какую-то другую деятельность: они творили вокруг книги живую среду ее обитания, смыслопорождающую среду, чреватую развитием множества ростков будущего. В Александрийской библиотеке, в библиотеках монастырей занимались помимо хранения книги ее переписыванием, что, в свою очередь, порождало толкование написанного, из чего впоследствии выросла экзегетика, а еще позднее – через десятки веков – гуманитарные науки. Сам процесс переписывания нес в себе зародыш будущего книгопечатания, который позже вырвался на волю и стал самостоятельным процессом

в эпоху Гутенберга и Ивана Федорова. Передача переписанных текстов в другие библиотеки – это зародыш будущего распространения печатной продукции, свободного доступа к информации. Римский Форум и знаменитые бани Каракаллы, куда приходили древние римляне не только омыть свои тела, но и выслушать оратора, насладиться стихами поэтов, обсудить услышанное, – это бытование книги как устного слова – прообраз аудиокниги, СМИ и современных библиотек как центров межкультурной коммуникации. Гёте, реформатор библиотечного дела в свою эпоху и создатель концепции всемирной литературы, соединил в практике книгу с театром. А реформатор Петр I не чурался завлечения в библиотеку чаркой водки, нарушая все условия хранения, но предвосхищая социокультурную функцию библиотеки как кумулятивной площадки социальных практик, где фуршет, еда (а в банях Каракаллы – вода) отнюдь не только насыщение и отнюдь не только гигиена – они выполняют глубокую социокультурную, культуротворную функцию.

Если все это выстроить в единую культурную цепочку, то приходишь к выводу, что модернизация библиотеки в современных условиях – это не воспроизведение застывшей библиотечной матрицы и не погоня за техническим прогрессом, а животворный, культуротворный процесс, имеющий под собой глубокую традицию и глубокий гуманистический потенциал.

Ища достойную альтернативу «бегству» читателя в Интернет, многие библиотеки усиленно развивают социальные функции. В особенности это важно для маленьких, районных библиотек, которые сейчас удовлетворяют самые разнообразные потребности местного населения, превращаясь в истинные центры сообщества. Такие библиотеки, развернувшись лицом от фондов к читателю, возвращают его, поскольку думают о его реальных нуждах и проблемах гораздо более,

чем о своем собственном преуспевании. Не секрет, что в подобных библиотеках приоритеты существенно меняются: книги и информационные ресурсы начинают существовать в плотном окружении лекций, выставок, театральных инсценировок, развивающих кружков, досуговых мероприятий, а зачастую – прямых социальных услуг: в библиотеках создаются игровые комнаты для детей тех читателей, которые занимаются в залах, пункты правовой помощи населению, комнаты досуга для пенсионеров. Но, быть может, в этом и есть реальные ростки «нового гуманизма»?

Есть у библиотек и более сложная задача – формирование интереса к знанию. Эта функция библиотек в последнее время получает особое значение именно потому, что ей, как это ни парадоксально, уделяют все меньшее внимание прямо предназначенные для этого школа и высшее образование. К сожалению, в них наблюдаются противоположные тенденции: процесс разгуманитаривания и, как следствие, упрощение личности, ее ментальных возможностей. Примитивизированная система ЕГЭ – один из симптомов этого процесса, а личность в современном обществе нуждается в мозге усложненном, способном решать самые сложные задачи.

И вовсе не случайно многочисленная гуманитарная аудитория, лишенная внимания к своим насущным потребностям, все более и более обращает внимание на библиотеки, где проводятся серьезные конференции, научные семинары, где организуются встречи с писателями и показы некоммерческих фильмов, обучение иностранным языкам, где формируется та среда для интеллектуального общения и профессионального роста, в которой она нуждаются. Громадный плюс библиотек, которые занимаются развитием подобных видов деятельности, заключается в том, что ни школа, ни вуз не занимаются своими выпускниками, а в современных

условиях образование, как известно, растягивается на всю жизнь. Мне представляется, что такими центрами знаний могут стать крупные региональные и некоторые федеральные библиотеки, спланирующие вокруг себя свою профильную фокусную аудиторию – филологов, историков, искусствоведов, юристов.

Трудно найти современную библиотеку, если в ней работают равнодушные люди, которая бы не ощущала интуитивно потребность в такой животворящей деятельности. Да, признаем, такие библиотеки все более превращаются в социальные центры широкого профиля с целым рядом неспецифических для традиционной библиотеки задач: книга, фонды, перемещаясь в другие инстанции, занимают в ней не столь большое место, как раньше. Зато в услугах таких центров нуждается гораздо более широкий круг людей: их потребности разнообразны, и не должны ли быть более разнообразными функции библиотек, потому что это не их прихоть, это вызов времени?

Таким образом, говоря о модернизации, мы признаем, что библиотеки в естественном и ненасильственном преобразовании своих функций уже достигли определенных успехов. У многих из них есть осознание своей миссии, есть собственные ориентиры и намерения, подкрепленные практиками, полезными людям. Но развитие этих ростков требует переустройства бюрократической части общества, чтобы она могла – в идеале – обеспечить это развитие, или, по крайней мере, – не мешать ему.

Что же мы видим в реальности? С одной стороны – декларации о необходимости модернизации, а с другой стороны – особенно на юридическо-экономическом уровне – весьма узкое понимание целей и задач модернизации библиотек. Бюрократическая практика сводит модернизацию к примитивно рыночному преобразованию, забывая, что культура – это живой и очень сложный организм,

принадлежащий к духовной, а не материальной сфере, всю эффективность которой невозможно измерить чисто механическими методами, ибо культура – не товарное производство, а результаты ее деятельности – отложены и не дают сиюминутного эффекта. То, что сеялось Пушкиным при реформе русского языка в начале XIX века, не обязательно принесло плоды немедленно, и в XXI веке мы живем на заложенном им фундаменте. И это касается любого произведения культуры.

На это можно возразить, что библиотеки не производят шедевров. Это так, однако они способствуют созданию культуротворной среды, в которой эти шедевры возникают. Но о какой культуротворной среде можно говорить, если пресловутый 94-й Федеральный закон регламентировал деятельность библиотек, сведя все к экономической эффективности и практической выгоде? Посылка была понятной: в коррумпированном обществе необходимо бороться с коррупцией во всех сферах. Но практика показывает, что вместе с водой выплескивается и ребенок. Парадоксальных примеров можно привести великое множество. Предположим, в каком-то городе исполняется произведение Шостаковича, дирижером собирается стать Геннадий Рождественский. На это соответствующими структурами, отвечающими за культуру, выделены определенные средства. Вполне возможно, что какой-то другой дирижер заявит меньшую цену за свои профессиональные услуги. По 94-му Закону именно он должен будет дирижировать оркестром, исполняющим Шостаковича. Экономическая выгода оправдана, но культурный эффект может оказаться нулевым. И в конечном итоге это повредит и Шостаковичу, и зрителю, и сведет все разговоры о модернизации через культуру на нет. После подобного экономического эксперимента целый культурный пласт может быть забыт и вычеркнут из культурной практики современного общества.

А вот и более близкий нам пример. При закупке книг библиотеки чаще всего сами знают, у кого они хотят купить ту или иную продукцию – у надежного партнера, которого знают годами. Но при применении 94-го Закона объявляется конкурс, появляются не лучшие, а подставные поставщики, фирмы-однодневки, предлагающие более низкие цены, но срывающие поставки. Таким образом, деньги либо теряются, либо тратятся дважды. Борьба с коррупцией оборачивается стимулированием коррупции: возникают организации, которые откровенным шантажом срывают нормальные сделки.

Думали – лучше, а получилось как всегда. Но у государства не хватает сил отказаться от неверно принятых законов. И причина в том, что не удосужились разграничить сферу правоприменения. Намерения этого закона замечательны для рыночных отношений, но сфера культуры – не рынок. Пушкинская фраза «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», в условиях 94-го Закона касается только второй части – рукописи, а вдохновение при этом забывается и тем самым – уничтожается. Уничтожается важнейший культурный аспект воздействия Пушкина. Эффект от этого предсказуем – человек, не понимающий смысла «вдохновения», не поймет ни смысла бескорыстного служения, ни необходимости толерантности в обществе, поскольку их не измерить в денежных единицах, это не рыночные, это духовные сущности.

Наше настойчивое стремление войти в рынок тоже продиктовано модернизацией. СССР, а затем Россия так долго были отторгнуты от рыночных отношений, что пытаются наверстать упущенное в период социалистического существования общества. С точки зрения мировых экономических процессов – это нормальный ход. Но с точки зрения развития культуры, и особенно в российском обществе, это подрубание сука, на котором

ты сидишь. Государство стремится к формированию национальной идеи на основе понимания некоей общности, которая в нашем случае – все та же культура, литература, язык. И рыночные отношения, понятые без учета этих особенностей, подрывают возможность создания такой общности. Получается заколдованный круг.

А ведь перед нами пример опыта Западной Европы, где рыночная экономика на определенном этапе привела к материализации культуры, к образованию общества потребления. И как только это было замечено, там стали принимать меры, ограничивающие последствия этой ситуации. Стали приниматься законы, способствующие поддержанию сферы культуры через благотворительные организации, через систему грантов, через послабление налогового бремени, через предоставление льгот учреждениям культуры, через специальные налоги в пользу библиотек и, наконец, через финансирование всей сферы культуры не по остаточному принципу.

Всего этого в России пока нет. В России есть, о чем свидетельствует не только 94-й, но и 83-й Федеральный закон, прямо противоположное и сугубо рыночное стремление государства снять с себя всю ответственность за развитие этой сферы и переложить ее на сами учреждения, при этом лишив их возможности свободного саморазвития.

В чем главный смысл 83-го Федерального закона? Библиотеки получают жестко регламентированные субсидии лишь на то, что считает необходимым поддерживать государство. При этом подсчет пользы от культуры ведется по принципу материальной выгоды – количество посещений, количество книговыдач, объем оцифрованного фонда. А то, что библиотека собственными усилиями ежедневно продуцирует как живую культуротворческую инициативу, – игнорируется, не замечается, не финансируется. Государство

минимально поддерживает издания, минимально – выставки и лекции. И уж совсем никак не поддерживает ту сферу, которая является живой работой с населением, поскольку каждый человек, приходящий в библиотеку не интересуется государством как личностью, а лишь как потребитель определенного информационного ресурса, стоимость которого заранее рассчитана.

В том виде, в каком реализуются ныне 83-й и 94-й Федеральные законы, они принесут библиотекам гораздо больше вреда, чем пользы. Многие будут вынуждены закрыться, а те, что выживут, превратятся либо в коммерческие информационные, либо досуговые центры. Из библиотеки вымоется ее душа – ее бескорыстный и культуротворческий потенциал. В такой библиотеке ее социальная роль будет нивелирована, а следовательно, она не сможет и способствовать модернизации. По сути, осуществляя модернизацию общества подобным способом, государство само себя лишает эффективных и здоровых методов модернизации.

Библиотеки это прекрасно понимают, наверное, понимают это и отдельные чиновники, но механизм запущен на полный ход. И если он будет действовать так, то последствия предсказуемы, и отнюдь не светлое будущее наступит очень быстро. А вслед за этим еще большими темпами пойдет одичание, оупение населения, про которые и сейчас уже достаточно много говорят.

Наверное, общество, с подачи тех, кто про это что-то понимает, в частности, профессиональных объединений деятелей культуры, а в нашем случае – библиотечных ассоциаций, должно этот посыл до сознания властей довести и, пока не поздно, эти законы скорректировать. Ибо, когда начнется Всемирный потоп, у человечества может не оказаться Ноева ковчега: его разрушат, а мастерство его строителей будет забыто, как тайна выплавки дамасской стали.